

Нас затолкали в душную коммуналку и вынудили стать свидетелями одной отвратительной истории. Мало того что место не из приятных, еще и его обитатели отнюдь не выпускники института благородных девиц. Обыкновенные горожане в первом поколении или лимитчики, объединенные взаимной ненавистью и старинным инстинктом захватчиков жилых метров. Впрочем, не все так. Ибо парализованная старуха — возможно, выпускница того самого учебного заведения. А к букету малоприятных ароматов примешивается запах «Тройного» одеколона. Его пьет сын старухи.

На улице Роз

НЕ ТАК ДАВНО наши драматурги обнаружили наличие «дна». И тут же поторопились заселить вновь открытое литературное пространство бомжами, проститутками, наркоманами и пр. Герои пьесы А. Шипенко «Ла фюф ив дер люфт» из таких, обыкновенных... Нет, не обыкновенных, может с возмущением воскликнуть кто-то. Мол, все это — опустившиеся ублюдки, пьяницы, которые не имеют никакого отношения ко всем прочим вообще и к нам в особенности. И отношение к ним у нас, здоровых и полноценных, брезгливое, без тени сочувствия. А что сочувствовать им? — сами виноваты. Их лучше обойти стороной, не оскорбляя своего утонченного обоняния и зрения.

Обойти бы. Но не удастся. Потому что нас затолкали в коммуналку. И мы вынуждены смотреть, как старуха и ее сын изводят друг друга на все возможные лады, изощряясь в ругательствах, оскорблениях, откровенных измывательствах и отнюдь не стесняясь в выражениях. Потом им это надоедает и повисает пауза. Потом им надоедает пауза. И все начинается сначала.

Противно донельзя. Ей-же-ей, если бы я читал пьесу А. Шипенко — отложил бы книгу, если смотрел бы ее, отделенный от актеров рампой, чертыхнулся бы и ушел. Но режиссер Ю. Хармелин притиснул нас, несколько десятков зрителей в театральном фойе вплотную к персонажам — и деться некуда. Вот и приходится терпеть и ждать, когда же кто-то из героев помрет, к чему дело, похоже, неизбежно, но слишком медленно продвигается. А они все ругаются, все матерятся, попутно вспоминая классиков русской литературы (старуха-то — бывшая учительница), немцев (сын — бывший военный летчик), перестройку (нужда же дешесья, именно она осложнила ситуацию с приобретением «Тройного»), соседа Юру, который, может, пособит сыну встать с пола, а старухе подаст утку, в которой тот ей отказывает, дабы поставить в еще более униженное положение. И никак не умирают и величайшему огорчению героев-соседей и зрителей.

И слушаешь эту галиматью и рассматриваешь чьи-то пыльные фотографии на стене, пару дурачьих глиняных собачек и недопитый пузырек одеколона.

А когда они наконец-то под звуки переставшего соответствовать действительности государственного гимна преставляются оба одновременно, когда вместе с нахлынувшими из коридора соседями издаешь облегченный вздох, то тут вдруг и прошибает мысль: как же так, ведь только что мы стали свидетелями смерти двух героев. Они не наказанные злодеи, не преступники. Они были обыкновенными людьми. Только людьми опустившимися. И потому неудобными. И понимаешь, что Ю. Хармелин, поставив пьесу А. Шипенко, которую великолепно разыграли все без исключения актеры с Е. Якуб и С. Пухляковым во главе, только что, как осрамившихся ценят, ткнул нас носом в собственные души, где все оказывается далеко не таким ясным, как кажется, где есть место для такого странного чувства, как удовлетворение от чьей-то смерти. Пусть смерти лишнего, ненужного, но живого, страдающего. Что ж, надо иногда представить себя и в такой ситуации. Глядишь, чего-то или кого-то лучше поймешь.

ДАЛЕКО ОТ МОСКВЫ: МОЛДОВА

Экран и сцена (ирон. к. «Сов. культура»)-1990-1991 (№ 48)-с. 5



И потому, выбравшись из «коммуналки», прощаешь спектаклю и многочисленные драматургические повторы, и ненужные, слащавые, раздражающие фигуры бредовых «видений», являющиеся героям в виде элегантной дамы в черном и мужчины во фраке. Прощаешь и прямолинейные, грубые метафоры, вроде той, с гимном, и громыхающее немецкое название пьесы, которое к ее содержанию имеет очень косвенное отношение. И тот эксперимент над нашими душами, который проделал кишиневский театр-студия «На улице Роз».

Впрочем, кажется, театр ставит перед собой задачу смутить зрителя, заставить отказаться от первых впечатлений. В самом деле, какую реакцию может вызвать афиша незнакомого театра, название которого вызывает смутные ассоциации то ли с парижским адресом Ленина, то ли с каким-нибудь легкомысленным кафешантаном, в сочетании с гастрольным репертуаром, где второе название «А шэйн мэйдл» («Красивая девушка» — это уже идиш). Но и вторая работа театра обманывает предположения и оказывается не мюзиклом в духе «Смешной девчонки», а драмой о послевоенной еврейской эмиграции в Америке.

Не знаю, в каком году Барбара Лейбоу написала эту пьесу, но вряд ли случайно ее сходство с замечательным «Выбором Софи» У. Стайрона. Та же Польша, те же концлагеря, та же еврейская тема и та же послевоенная Америка. Но отнюдь не та же глубина и, если разобраться, совсем уж не та сентиментальность, которой в романе с его жесткой фактурой очень мало. Но кто знает, какова эта пьеса в подлиннике? Перевел ее Ю. Хармелин, главный режиссер театра. То, что он хороший, тонкий постановщик, — очевидно. Еще более очевидно его умение находить первоклассных актеров и работать с ними. Но вот его достоинства как сценариста сомнительны. В этой роли (и в этой же!) он выступил в «А шэйн мэйдл» и, прямо скажем, выступил крайне неудачно. Вряд ли апартаменты, лишенные каких бы то ни было деталей оформления, кроме натынутой на стены драпировки и кожаного дивана, подобающего скорее совконтуре, соответствуют вкусу и стилю зажиточной послевоенной Америки. Ну а наков Ю. Хармелин как переводчик — не нам судить.

Подлинными героями этого спектакля становятся актеры. И музыка. В ее всеисилии пришлось убедиться лишний раз. Послевоенный джаз и еврейские мелодии в нашем воображении дополняют и конкретизируют невыразительные декорации. Но, повторяю, главную скрипку в спектакле играют актеры, и в особенности С. Тутова, исполняющая роль Люши, только что прибывшей в Америку и пытающейся отыскать своего потерянного где-то в Варшавском гетто мужа. Но по сути — еврейский вопрос со всеми его аспектами здесь не главное. Главное — сентиментальная история молодой красивой женщины, потерявшей во время войны любимого человека. Тут не могут обмануть ни слова, произнесенные на идиш, ни «Вестник еврейской жизни», продаваемый в фойе перед спектаклем. Но сентиментальность — разве это порок? Это качество, универсально воздействующее при хорошей игре и на сердобольных домохозяек, и на высоколбых интеллектуалов. Великолепно чувствуя его силу, и режиссер, и актеры добиваются успеха.

И в заключение — о заглавии, в которое вынесено название театра-студии. Разве нет некоторого несоответствия между ним и содержанием статьи, точнее, предполагаемым содержанием? Смею надеяться, есть. Равно как есть несоответствие между афишей театра и его работами. В пользу театра.

Сергей БЕДНОВ.

● Сцена из спектакля «А шэйн мэйдл». Люша — С. Тутова, Хана — В. Канцеза.